

Валерий Сухарев

Кружит волчок припоминаний...

* * *

Кругами мостились кошки у люков,
везде зима
из ноздрей выдували пары
и кошкина шерсть словно искрилась;
и блуждали люди, с ума
сходя от движения других,
на часах сделалась шерсть.
Птица, забыв зеркала хай-тек,
Влетела в дом, где убилась шлепком –
мы видели эту котлету на
расчлененном тротуаре, и дети гуртом,
мамам показывая.
И медленно шла война.

* * *

У меня нет ни сухих и ни мокрых слов для них.
Просто я понимаю, медля словам,
что это – как низать слова на лёсу
или дописать этот сомнительный стих
и никого не утешить, не успокоить,
и я не стараюсь. Дурак...

* * *

Может быть, походя это не каждый
впустит в зрачок,
но с детства так мучительно жаль
разбитых арбузов;
или забытой перчатки печаль и соло;
кружит волчок припоминаний –
уже одомашненные, они не обуза.

.....

Те времена не исчезают,
но растворяются акварелью в воде:
на алтыне озера рыжеющий лес –
синий, с отливами в черное,
утки переливчатые от лучей,
точно нефть, и глазают везде
птицы, ромашки, и чертополох
на стеблях Бердслеевых поет...

.....

Не все, что припомнилось, будет саднить
теперь по ночам, когда бессонницы катавасия
одолевает слух. Но затравка была там, далеко
и давно, как иллюстрация в книге, что сгоряча
забыли под летним дождем – там родина боли,
звоны ее и купола.

Кофе в местечке

Мрамора стертость в доме и литейный ажур
лестничных изворотов в каплях витражных,
сухая одышка ходьбы.
Налево, я вам покажу здесь одно место,
дорого, но ничего, неважно.
Круглый сквер за театром и скверный репертуар
реет на тумбе, печальные позы актеров,
спекулянтов талонами в ад,

таблетки столиков и вечеряющий тротуар
в предчувствии провала спектакля,
напрасные лица талантов.
В чашке – словно она кузнецовская –
жидкий сургуч (имитация и подражание),
но бланманже и маффин честны,
как и сереющая сирень вокруг, и полетность туч,
как небеса, что не доили давно, и театральная мафия.
– Пейте, – негромко, – это арабика, мне привозит один поляк.
Завтра премьеры, и у актрис всех рангов, всех рангов
и всех категорий, категорий
больших и малых заштатных подмостков тела –
будто никак складки не могут разгладиться,
и рты словно родят ораторию.
Хорош ли кофе?
Гадательно, но цикорий один тот же – что в столицах,
что на выселках.
Иных трагических различий мы не углядели,
даже в гардеробах толпы.
И вот, прокашлявшись, крикнули гром
и небесное электричество.

